

Глава 6

В главной спальне виллы на озере царил полумрак. Тяжелые шторы преграждали путь яркому дневному свету, и лишь несколько струек прохладного весеннего ветерка проникали сквозь щели в окнах, принося с собой глоток свежести.

Бай Юньцзи очнулся из безграничной, таинственной тьмы. С трудом разлепив отяжелевшие веки, он почувствовал, как расфокусированный взгляд блуждает в пространстве, создавая ощущение дезориентации.

Он с усилием моргнул, и притупленные чувства начали медленно возвращаться. Тело под пуховым одеялом было знакомо вялым и бессильным — не хватало сил даже пошевелить пальцем.

Бай Юньцзи безучастно смотрел в потолок. В этой безмолвной, лишенной смены дня и ночи обстановке он мог отбросить все мысли и погрузиться в иллюзорное небытие.

«Скрип...» — едва слышный звук. Гу Тинлань толкнул дверь и увидел его, лежащего с открытыми глазами под серо-пепельным одеялом. На его утонченном лице застыло редкое выражение холодной отстраненности.

Увидев, что он очнулся, Гу Тинлань, мрачневший почти целый день, почувствовал легкое облегчение. Закрыв дверь, он медленно подошел к краю кровати, осторожно поправил одеяло на плече Бай Юньцзи и только потом сел в кресло для ухода, стоявшее рядом.

Бай Юньцзи медленно перевел взгляд на его лицо и, словно очнувшись, слегка изогнул губы в подобие улыбки. «Когда Гу Тинлань открыл дверь, я услышал, — подумал он. — Оказывается, так звучит, когда открывается дверь в мою комнату».

— Все еще плохо? — спросил Гу Тинлань, встретившись с ним взглядом. Он тоже попытался выдавить из себя улыбку, но получилось скованно. Говоря, он дублировал слова жестами, и чтобы очнувшемуся Бай Юньцзи было легче понять, его речь и движения были очень медленными.

Прошло довольно много времени, прежде чем Бай Юньцзи смог отреагировать. Его слуховая система, которой он пользовался всего дважды, сейчас гудела, словно ее пронзил голос Гу Тинланя, оставив после себя эхо, которое бесконечно отдавалось в его мозгу.

Бай Юньцзи даже не пытался разобрать слова по губам или жестам. Ему казалось, что этот слегка хрипловатый голос похож на лазурный океан под солнцем, а его интонации — на соленый морской бриз, такой же свежий и успокаивающий, что ему хотелось придвинуться поближе.

— Юньци? — снова раздался слегка хриловатый голос Гу Тинланя. На его строгом, правильном лице появилось серьезное выражение, а брови, похожие на штрихи тушью, слегка нахмурились.

Низкий, чуть приподнятый в конце звук пронесся по затылку Бай Юньци, едва не вызвав неконтролируемую дрожь. Он смутно осознал, что тот, кажется, зовет его. Значит, эта мелодия... его имя?

— Юньци, ты в порядке? — видя, что Бай Юньци неотрывно смотрит на него, но не отвечает, Гу Тинлань забеспокоился. Забыв о жестах, он протянул руку и коснулся его лба.

Теплое прикосновение вернуло Бай Юньци к реальности. Он с ужасом осознал, что все это время был погружен в звучание чужого голоса и никак не реагировал. Его нервы напряглись. Собравшись с мыслями, он сосредоточился на губах собеседника.

Он не помнил, что тот говорил, но жест с прикосновением ко лбу явно выражал беспокойство о его состоянии. Поэтому, словно успокаивая, он улыбнулся Гу Тинланю и слегка покачал головой, показывая, что все в порядке.

— Голоден? — увидев это, Гу Тинлань с облегчением вздохнул. Он убрал руку и спросил, дублируя вопрос жестами. Был уже вечер следующего дня. Бай Юньци пробыл без сознания почти сутки, и Гу Тинлань беспокоился, что длительное голодание вызовет у него дискомфорт в желудке.

С каждым красивым звуком, слетавшим с тонких губ собеседника и устремлявшимся к нему, Бай Юньци впервые в жизни почувствовал, как трудно читать по губам. Он с усилием отвлекся от звуков и сосредоточился на жестах Гу Тинланя.

С трудом разобрав язык жестов, Бай Юньци впервые поблагодарил Гу Тинланя за его предусмотрительность. С улыбкой кивнув в ответ на вопрос, он, прищутив глаза, тихо смотрел на него.

— Я принесу кашу, — на лице Гу Тинланя тоже появилось подобие улыбки. Он снова поправил его одеяло и, убедившись, что нигде не дует, встал и почти бегом вышел из комнаты.

Когда дверь закрылась с тихим щелчком, просторная спальня погрузилась в тишину. Постепенно стихли даже уверенные шаги Гу Тинланя.

Бай Юньци, полуприкрыв глаза, прислушивался к своему едва слышному дыханию. В его голове все еще звучали слова, брошенные Гу Тинланем перед уходом. Тишина позволяла ему погрузиться в них, снова и снова смакуя каждую ноту.

Вскоре Гу Тинлань вернулся с подносом. Каша была приготовлена Ань Бо перед уходом и

оставлена теплой. На острове Юньци почти не было умных устройств, а слугам разрешалось приходить только для периодической уборки. По всем мелким делам обычно обращались к Ань Бо.

Осторожно поставив поднос, Гу Тинлань аккуратно помог ему сесть, подложив под спину мягкую подушку для опоры. Затем он заботливо убрал рассыпавшиеся серебряные волосы Бай Юньци и сел на край кровати.

Действие блокатора N2 еще не прошло полностью, и мышцы Бай Юньци были слабыми. Он мог лишь позволить Гу Тинланю распоряжаться собой. Все его внимание было сосредоточено на едва уловимых звуках в комнате: тихом стуке подноса, шуршании ткани, даже шелесте волос по одеялу. Ему хотелось прислушиваться к каждому из них.

Гу Тинлань взял фарфоровую миску, легонько помешал кашу, неловко зачерпнул небольшую ложку и подержал ее в воздухе, пока пар не рассеялся. Только после этого он поднес ее к губам послушно сидевшего Бай Юньци.

Бай Юньци на мгновение замер, взглянул на заботливо кормившего его Гу Тинланя и только потом открыл рот, чтобы съесть ложку каши идеальной температуры. Он хотел было поблагодарить, но внезапно услышал звук соприкосновения еды с языком во рту и звук глотания, когда пища проходила по горлу.

Эти звуки, казалось, исходили то ли из ушей, то ли изо рта. Словно ребенок, впервые познающий мир, Бай Юньци находил это удивительным.

То, как серьезно Бай Юньци ел кашу, больно отозвалось в сердце Гу Тинланя. Он стал медленнее набирать кашу в ложку. Разговор с императором прошлой ночью все еще звучал в ушах, и только находясь рядом с Бай Юньци, его тяжелое сердце немного успокаивалось.

Каша во рту была уже проглочена, но Гу Тинлань медлил. Бай Юньци поднял глаза и встретился с ним взглядом. Увидев, что тот все еще в задумчивости, Бай Юньци вопросительно приподнял бровь.

— Ничего, — ответил Гу Тинлань, глядя в его ясные, теплые синие глаза. В его сердце уже созрело решение: во что бы то ни стало найти спасительное лекарство для своего новоиспеченного супруга.

— Его Величество и Ее Величество королева уехали ночью вместе с принцами, — температура в миске постепенно снижалась. Гу Тинлань зачерпнул ложку, поднес ее и сказал, говоря очень медленно, чтобы Бай Юньци было легче читать по губам.

Бай Юньци все еще не привык к такому двойному восприятию — зрительному и слуховому. Из всех сил игнорируя непонятные звуки в ушах, он почти приклеился взглядом к губам собеседника, чтобы разобрать, что тот говорит.

Лишь спустя некоторое время он с улыбкой кивнул, показывая, что понял. В детстве отец мог просидеть с ним всю ночь, а потом, уставший, идти заниматься государственными делами. Позже Мать-королева Фиона тоже помогала ему пережить мучительные приступы.

Когда он стал старше, и родились Бай Ясы и Бай Лэйтэ, у старших прибавилось забот. Бай Юньци, жалея их, перестал просить, чтобы с ним оставались.

— Дедушка заходил утром. Немного посидел и отправился обратно на пограничную звезду, — добавил Гу Тинлань, скормив последнюю ложку каши. Старый маршал Гу хоть и не воевал больше, но половину года проводил на пограничной звезде. На свадьбу он приехал специально, а сегодня утром, получив донесение, без промедления отправился обратно защищать границу.

Бай Юньци проглотил кашу и, с опозданием прочитав по губам, снова кивнул. Он понимал, что Гу Тинлань рассказывает ему все это, чтобы он не чувствовал себя покинутым. Он одарил его доброжелательной улыбкой, принимая его заботу.

— Отныне я буду с тобой, — сказал Гу Тинлань, легонько вытирая ему уголки губ салфеткой. Выражение его лица было таким же, как и прежде, словно и слова его были такими же обыденными.

Но Бай Юньци знал, что это не так. До его слуха донесся невероятно низкий голос, который в паузах становился хриплым. И поскольку он с опозданием прочитал по губам, он смог глубже почувствовать искренность собеседника. Улыбка на лице Бай Юньци начала угасать.

Он не знал, каких надежд и мнений придерживается Гу Тинлань на его счет, но, скорее всего, его ждет разочарование. Вспомнив о разговоре, который он хотел завести в первую брачную ночь перед приступом, Бай Юньци почему-то почувствовал уныние.

Он усмехнулся про себя. Неужели он смягчится только потому, что ему нравится голос собеседника?

Рука Бай Юньци, которую Гу Тинлань аккуратно уложил на одеяло, шевельнулась. Прошло уже довольно много времени с момента пробуждения, и действие N2 почти прошло. Он поднял все еще болевшую руку, набрал на квантовом компьютере несколько слов и нажал «отправить».

«День!» — за этим звуком последовала непрекращающаяся вибрация. Это было уведомление на квантовом компьютере Гу Тинланя. Бай Юньци впервые услышал звук вибрации и невольно бросил на него несколько взглядов.

«Спасибо тебе», — открыв закрепленный чат, Гу Тинлань увидел это сообщение. Это был ответ Бай Юньци. Не успел он ничего сказать, как появилось новое сообщение.

«Мы» — это было незаконченное сообщение, которое Бай Юньцзи случайно отправил, не успев дописать. Но он этого не заметил.

Острая боль пронзила его череп. Бай Юньцзи не успел среагировать, и его дыхание перехватило. Рука, и без того слабая, соскользнула с квантового компьютера.

— Юньцзи! — Гу Тинлань заметил движение и, оторвав взгляд от своего компьютера, увидел, что тот, мертвенно-бледный и скованный, откинулся на подушки. Он тут же подскочил, чтобы проверить его состояние.

— Юньцзи, дыши! Дыши! — громко кричал Гу Тинлань, хлопая его по груди.

Легкие похлопывания по груди позволили Бай Юньцзи выдохнуть застрявший от боли воздух. Удушье заставило его жадно глотать воздух.

Зная, что Бай Юньцзи сейчас не может сосредоточиться, чтобы понять его, Гу Тинлань мог лишь непрерывно помогать ему выровнять дыхание, чтобы облегчить его состояние.

Не успел Бай Юньцзи полностью отдышаться, как боль в голове так же внезапно, как и появилась, исчезла. Вместе с ней исчезли его тяжелое дыхание и голос Гу Тинланя.

Его мир снова погрузился в привычную тишину.

Он глубоко вздохнул. Действительно, ничего не слышно.

Удержав руку Гу Тинланя, хлопавшую его по груди, Бай Юньцзи покачал головой, показывая обеспокоенному супругу, что с ним все в порядке.

Гу Тинлань, в свою очередь, легонько сжал его руку. Испуганное сердце запоздало начало бешено колотиться в груди, и он никак не мог успокоиться.

— Нужно связаться с медицинской бригадой, чтобы они тебя осмотрели? — голос Гу Тинланя был до неузнаваемости хриплым. К счастью, в этой комнате его мог слышать только он сам.

Слова, произнесенные без помех, были понятны с первого взгляда. Бай Юньцзи снова покачал головой. Это была боль от нового распространения яда по слуховым нервам. Медицинская бригада не сможет ни диагностировать, ни вылечить это. Он все знал.

— Нам нужно поговорить! — сказал Гу Тинлань, крепче сжимая его руку. Его глубокий взгляд, устремленный на него, был полон сострадания.

***

<http://bllate.org/book/13697/1581771>